

МОЯ ЖИЗНЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Лет пять назад, по настоянию ближайших товарищей по работе, я согласился написать автобиографию. Но не успел закончить первую страницу, как в Бомбее вспыхнули волнения, и я вынужден был приостановить работу. Затем последовали события, завершившиеся заключением меня в тюрьму в Йерваде. Сидевший со мной в тюрьме адвокат Джерамдас советовал мне отложить все прочие дела и закончить автобиографию. Но я ответил ему, что уже составил себе программу действий и не могу думать о чем-либо другом, пока она не будет выполнена. Я бы написал автобиографию, если бы отсидел весь срок полностью, но меня освободили на год раньше. Теперь Свами Ананд снова повторил это предложение, а так как я закончил историю сатьяграхи в Южной Африке, то решил приняться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотел, чтобы я выпустил ее отдельной книгой, но у меня не было свободного времени: я мог писать только по главе в неделю. Для «Навадживана» мне все равно надо было что-нибудь писать каждую неделю. Почему бы не писать автобиографию? Свами согласился с этим, и я усердно принялся за работу.

Между тем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой «день молчания».

«Что вас толкает на эту авантюру? — спросил он меня. — Писание автобиографий — обычай, присущий Западу. Я не знаю ни одного человека на Востоке, который занимался бы этим, за исключением лиц, подпавших под западное влияние. Что вы будете писать? Допустим, завтра вы откажетесь от положений, которые вы сегодня считаете принципиальными, или в будущем

пересмотрите сегодняшние планы. Не окажется ли тогда, что люди, руководствующиеся в своих поступках вашим авторитетным словом, могут быть введены в заблуждение? Не лучше ли совсем отказаться от этого или хотя бы несколько повременить?»

Доводы эти произвели на меня некоторое впечатление. Но я и не собираюсь писать настоящую автобиографию. Я просто хочу рассказать историю моих поисков истины. А поскольку такие поиски составляют содержание моей жизни, то повествование о них действительно явится чем-то вроде автобиографии. Но я не буду против того, чтобы на каждой странице автобиографии говорить только о моих поисках. Я верю или по крайней мере стараюсь верить, что рассказ об этом принесет некоторую пользу читателю. Мои эксперименты в сфере политики известны теперь не только Индии, но до некоторой степени и всему «цивилизованному» миру. Для меня они не представляют большой ценности. Еще меньшую ценность имеет для меня звание «махатмы», которое я получил благодаря им. Этот титул часто сильно огорчал меня, и я не помню, чтобы он когда-либо радовал меня. Но мне, разумеется, хотелось бы рассказать об известных мне одному духовных поисках, в которых я черпал силы для моей деятельности в сфере политики. Если предположить, что мои искания действительно духовного характера, тогда здесь нет места для самовосхваления и мой рассказ может только способствовать моему смирению. Чем больше я размышляю и оглядываюсь в прошлое, тем яснее ощущаю свою ограниченность.

В течение тридцати лет я стремился к одному — самопознанию. Я хочу видеть Бога лицом к лицу, достигнуть состояния «мокшы». Я живу, двигаюсь и существую только для достижения этой цели. Все, что я говорю и пишу, вся моя политическая деятельность — все направлено к этой цели... Будучи убежден, что возможное для одного — возможно для всех, я не держу в секрете свои эксперименты. Не думаю, что это снижает их духовную ценность. Есть вещи, которые известны только тебе и твоему Творцу. Их, конечно, нельзя разглашать. Эксперименты, о которых я хочу рассказать, другого рода. Они духовного или, скорее, морального плана, ибо сущностью религии является мораль.

В своем жизнеописании я буду говорить только о тех вопросах религии, которые одинаково понятны и взрослым, и детям.

Если мне удастся рассказать о них смиренно и бесстрастно, то многие другие искатели истины почерпнут здесь силы для дальнейшего движения вперед. Я смотрю на свои эксперименты как ученый, который хотя и проводит их по возможности точно, тщательно и обдуманно, но никогда не претендует на окончательность своих выводов, а оставляет широкие возможности для размышлений. Я прошел через глубочайший самоанализ, тщательно проверил себя, исследовал и анализировал различные психологические моменты. И все же я далек от того, чтобы претендовать на окончательность или безусловность моих выводов. Единственное, на что я претендую, сводится к следующему: мне они представляются абсолютно правильными и для данного момента окончательными. Если бы это было не так, я не положил бы их в основу своей деятельности. Но на каждом шагу я либо принимал, либо отвергал их и поступал соответствующим образом. И пока мои действия удовлетворяют мой ум и мое сердце, я должен твердо придерживаться своих первоначальных выводов.

Если бы все дело сводилось для меня к обсуждению академических принципов, я, разумеется, не стал бы писать автобиографию. Но я ставил себе целью показать практическое применение этих принципов в различных случаях и потому назвал эти главы, к написанию которых я приступаю, «Историей моих поисков истины». Сюда должны войти опыты в области применения ненасилия, обета безбрачия и прочих принципов поведения, которые обычно рассматриваются как нечто отличное от истины. Но для меня истина — главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Эта истина есть правдивость не только в слове, но и в мысли, не только относительная истина в нашем понимании, но и абсолютная истина, вечный принцип, то есть Бог. Имеется бесконечное количество определений Бога, ибо проявления его бесчисленны. Они наполняют меня удивлением и благоговейным трепетом и на какой-то момент ошеломляют. Но я поклоняюсь Богу только как истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в этих поисках пожертвовать всем самым дорогим для меня. Я отдам даже жизнь, если это понадобится. Все же до тех пор, пока я не познал абсолютной истины, я должен придерживаться относительной истины в моем понимании ее. Эта относительная истина должна быть моим маяком, щитом и вехой.

Хотя путь этот прям и узок, как острие бритвы, для меня он был самым быстрым и самым легким. Даже мои колоссальные промахи показались мне ничтожными благодаря тому, что я строго держался этого пути.

Этот путь спас меня от печали, и я продвигался вперед, руководствуясь внутренним светом, озарившим меня. Часто на этом пути я видел слабые проблески абсолютной истины, Бога, и с каждым днем во мне росло убеждение, что только он один реален, а все остальное нереально. Пусть те, кто захочет, познают, как во мне росло это убеждение, пусть они, если смогут, разделят мои эксперименты, а также мое убеждение. Во мне зрело все большее убеждение, что все, доступное мне, доступно даже ребенку; я говорю это с полным основанием. Практика этих экспериментов столь же проста, сколь трудны они сами. Они могут казаться совершенно недоступными высокомерному человеку и вполне доступными невинному младенцу. Ищущий истину должен быть смиреннее праха. Мир попирает прах, но ищущий истину должен настолько смириться, чтобы прах мог попрасть его. И только тогда, а не до этого, он увидит проблески истины. Это становится абсолютно ясно из диалога между Васиштой и Вишвамিতрой. Христианство и ислам также полностью подтверждают это.

Если читателю покажется, что в моих словах сквозит гордыня, значит что-то неверно в моих экспериментах и я видел не проблески истины, а всего лишь мираж. Пусть погибнут сотни таких, как я, но восторжествует истина. Даже на волосок не следует отступать от истины при оценке действий таких заблуждающихся смертных, как я.

Я прошу, чтобы никто не считал советы, разбросанные по страницам последующих глав, авторитетными. Описываемые мной эксперименты следует рассматривать лишь как иллюстрации. Каждый, ознакомившись с ними, может производить свои собственные опыты в соответствии со своими наклонностями и способностями. Я полагаю, что с такой оговоркой предлагаемые мной иллюстрации будут действительно полезны, так как я не собираюсь скрывать или замазывать неприятные вещи, о которых следует говорить. Я надеюсь познакомить читателя со всеми своими ошибками и недостатками. Моя задача — описать мои искажения в области сатьяграхи, а вовсе не рассказывать о том, какой

я хороший. Оценивая самого себя, я постараюсь быть строгим, как истина, и хочу, чтобы другие были такими же. Применяя к себе такое мерило, я могу воскликнуть, как Сурдас:

Есть на свете негодяй,
Столь порочный и омерзительный, как я,
Я отказался от своего Творца,
Настолько я вероломен.

Ибо для меня вечная мука, что я все еще далек от него, который, как я доподлинно знаю, управляет каждым моим вздохом и от которого я веду свое начало. Я знаю, что мои дурные страсти отдаляют меня от него, но я еще не в силах освободиться от них.

Но пора кончать. В следующей главе я приступлю уже к повествованию о своей жизни.

М. К. Ганди

Ашрам. Сабармати.

26 ноября 1925 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. СЕМЬЯ

Ганди принадлежат к касте бания, и, по-видимому, они когда-то были бакалейщиками. Но представители последних трех поколений, начиная с моего деда, были главными министрами в нескольких княжествах Катхиавара. Мой дед Оттамчанд Ганди, или, как его чаще называли, Ота Ганди, был, по всей вероятности, человеком принципиальным. Государственные интриги заставили его покинуть Порбандар, где он был диваном, и искать убежища в Джунагархе. Там он обычно приветствовал наваба левой рукой. Кто-то обратил внимание на такую явную неучтивость, и дед спросили, чем она вызвана. «Правая рука моя принадлежит Порбандару», — ответил он.

Ота Ганди, овдовев, женился второй раз. От первой жены у него было четыре сына, от второй — два. Помнится, в детстве я никогда не чувствовал и, пожалуй, даже не знал, что сыновья Оты Ганди были не от одной матери. Пятым из этих шести братьев был Карамчанд Ганди, или Каба Ганди, как его называли, шестым — Тулсидас Ганди. Оба брата, один за другим, пребывали на посту главного министра Порбандара. Каба Ганди — мой отец. Он был членом раджастханского суда. Сейчас этот суд больше не существует, но тогда это был очень влиятельный орган, разрешавший споры между главами и членами кланов. Каба Ганди был некоторое время главным министром в Раджкоте, а затем в Ванканере. До самой смерти он получал пенсию от правительства Раджкот.

Каба Ганди был женат четыре раза. Первые три жены умерли. От первого и второго браков у него остались две дочери. Четвертая жена, Путлибай, родила ему дочь и трех сыновей. Я был самым младшим.

Отец был предан своему роду, правдив, мужествен и великодушен, но вспыльчив. В известной мере он не мог жить без чувственных наслаждений. В четвертый раз он женился, когда ему было уже за сорок. Он был неподкупен и за свою беспристрастность пользовался уважением и в семье, и среди чужих. Хорошо известна была его лояльность по отношению к государству. Однажды помощник политического агента выразился оскорбительно о раджкотском такор-сахибе, у которого отец состоял на службе. На оскорбления отец ответил оскорблением. Агент рассердился и потребовал у Кабы Ганди извинения. Отец не извинился и был посажен под арест. Однако, увидев, что Каба Ганди непреклонен, агент велел через несколько часов выпустить его.

Отец никогда не стремился к богатству и оставил нам очень небольшое наследство.

Он не получил никакого образования, а лишь приобрел большой практический опыт; в лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Об истории и географии отец не имел представления. Но богатый жизненный опыт помогал ему решать самые сложные вопросы и управлять сотнями людей. Он был малообразован и в религиозном отношении, но у него была та религиозная культура, которая свойственна многим индусам благодаря частому посещению храмов и слушанию религиозных проповедей. На склоне лет он по настоянию ученого брахмана, друга семьи, начал читать «Бхагаватгиту» и во время молитвы ежедневно вслух повторял из нее несколько стихов.

О матери я сохранил воспоминание как о святой женщине. Она была глубоко религиозна и не могла даже думать о еде, не совершив молитвы. Она считала своим долгом ежедневно посещать хавели — храм вишнуитов. Если мне не изменяет память, мать ни разу не пропустила чатурмаса. Она накладывала на себя строжайшие обеты и неукоснительно выполняла их. Помнится, однажды она заболела во время чандраяны, но и болезнь не помешала ей соблюдать пост. Для нее ничего не стоило поститься два или три дня подряд. У нее даже вошло в привычку во время чатурмаса принимать пищу раз в день. Не довольствуясь этим, во время одного чатурмаса она постилась через день. В другой раз во время чатурмаса она дала обет не принимать пищу, пока не увидит солнца. В такие дни мы, дети, не спускали глаз с неба,

чтобы поскорее сообщить матери о появлении солнца. Всем известно, что в сезон дождей солнце очень часто совсем не показывается. Помню, как, бывало, мы мчались сломя голову, чтобы сказать матери о его внезапном появлении. Она прибегала, чтобы самой взглянуть на небо, но солнце успевало скрыться, и мать лишалась возможности поест. «Ничего, — бодро говорила она, — Бог не пожелал, чтобы я сегодня ела». И возвращалась к своим обязанностям.

У матери было много здравого смысла. Она была прекрасно осведомлена о делах государства, и придворные дамы с уважением отзывались о ее уме. Пользуясь привилегией детского возраста, я часто сопровождал мать во дворец и до сих пор помню ее оживленные беседы с вдовствовавшей матерью такор-сахиба.

Я родился в Порбандаре, или Судамапури, 2 октября 1869 г. Там же провел детство. В школе мне не без труда далась таблица умножения, но вместе с другими детьми я научился ругать нашего учителя. Все это говорит о том, что ум мой тогда был неразвит, а память слаба.

II. ДЕТСТВО

Мне было около семи лет, когда отец переехал из Порбандара в Раджкот, где был назначен членом раджастанского суда. Я поступил в начальную школу. Я хорошо помню эти дни и даже имена и привычки учителей, обучавших меня. Но мне почти нечего сказать о моих занятиях там, как и о занятиях в Порбандаре. Я был, должно быть, весьма посредственным учеником. Из этой школы я перешел в пригородную, а из нее — в среднюю. Мне шел тогда двенадцатый год. Не помню, чтобы я хоть раз солгал учителям или школьным товарищам. Я был очень робок и избегал общества детей. Моими единственными друзьями были книги и уроки. Прибегать в школу точно к началу занятий и убегать домой немедленно по окончании занятий вошло у меня в привычку. Я в буквальном смысле слова убегал домой, так как терпеть не мог разговаривать с кем-нибудь. Я боялся, как бы надо мной не стали подтрунивать.

В первый год моего пребывания в средней школе на экзамене произошел случай, который следует отметить. Инспектор народ-

ного образования мистер Джайльс производил обследование нашей школы. Чтобы проверить наши познания в правописании, он заставил нас написать пять слов, в том числе слово «котел». Я неправильно написал это слово. Учитель, желая подсказать мне, толкнул меня ногой. Он хотел, чтобы я списал незнакомое слово у соседа. Но я считал, что учитель находится в классе для того, чтобы не давать нам списывать. Все ученики написали слова правильно. И только я оказался в глупом положении. Позже учитель пытался убедить меня, что я сглупил, но это ему не удалось. Я так и не смог постичь искусства «списывания».

Однако этот инцидент нисколько не умалил моего уважения к учителю. Я по натуре был слеп к недостаткам старших. Впоследствии я узнал и о многих других недостатках учителя, но сохранил к нему уважение, поскольку привык выполнять приказание старших, а не критиковать их действия.

В моей памяти сохранились еще два случая, относящиеся к тому же периоду. В общем я не любил читать и читал только учебники. Уроки я готовил каждый день, но лишь для того, чтобы избежать замечаний учителя; вместе с тем не хотелось и обманывать его. Поэтому часто я готовил уроки без всякого интереса. А уж если я даже уроки не выполнял должным образом, то нечего и говорить о постороннем чтении. Но как-то раз мне попала книга, приобретенная отцом, — «Шравана Питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана родителям). Я читал ее с неослабным интересом. Приблизительно в то же время к нам приехала группа бродячих актеров. В числе прочих представлений они показывали сценку, в которой Шраван, направляясь к святым местам, нес на ремнях, перекинутых через плечи, своих слепых родителей. Книга и сценки произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому ты должен подражать», — сказал я себе. Душераздирающие причитания родителей, оплакивающих смерть Шравана, до сих пор свежи в моей памяти. Трогательная мелодия глубоко взволновала меня, и я исполнил ее на концертино, которое купил мне отец.

Почти в то же время отец разрешил мне посмотреть пьесу в исполнении драматической труппы. Пьеса называлась «Харишчандра» и совершенно покорила меня. Я мог смотреть ее бесчисленное количество раз. Но как часто мне будут разрешать это?

Мысль об этом не давала мне покоя, и я сам без конца играл «Харишчандру». «Почему все люди не должны быть такими правдивыми, как Харишчандра?» Этот вопрос я задавал себе днем и ночью. Следовать истине и пройти через все испытания подобно Харишчандре — таков был мой девиз, навеянный пьесой. Я был убежден в достоверности рассказа о Харишчандре. Одна мысль о нем вызывала у меня слезы. Здравый смысл подсказывает мне теперь, что Харишчандра не мог быть историческим лицом. И все же Харишчандра и Шравана продолжают оставаться для меня действительно существовавшими людьми, и я думаю, что, если бы я перечитал эти пьесы теперь, они произвели бы на меня столь же сильное впечатление.

III. ДЕТСКИЙ БРАК

Мне очень не хотелось бы писать эту главу: придется воскресить много горьких воспоминаний для этого повествования. Но я не могу поступить иначе, так как не хочу отступать от истины. Я считаю своей тяжкой обязанностью рассказать о том, как меня женили в тринадцать лет. Когда я смотрю на ребят этого возраста, находящихся на моем попечении, и вспоминаю о своем браке, мне становится жаль себя и радостно при мысли, что их не постигла моя участь. Я не вижу никаких моральных доводов, которыми можно было бы оправдать столь нелепо ранние браки.

Пусть читатель не заблуждается: меня женили, а не обручили. На Катхиаваре существует два различных обряда — обручение и заключение брака. Обручение — это предварительное обещание родителей мальчика и девочки соединить их в будущем браке. Обещание это может быть нарушено. Смерть мальчика не влечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение между родителями, и детей оно совершенно не касается. Часто они даже не знают о нем. По-видимому, я был обручен три раза, не зная об этом. Мне сказали, что две девочки, которых для меня выбрали, умерли одна за другой, и отсюда я делаю вывод, что был обручен три раза. У меня сохранилось слабое воспоминание о моем обручении в семилетнем возрасте. Но я не помню, чтобы мне сообщили об этом. В этой главе я говорю уже о женитьбе, которую хорошо помню.

Как я сказал, нас было три брата. Старший был уже женат. Родители решили женить одновременно моего среднего брата, который был старше меня на два или три года, двоюродного брата, который был старше меня на год, и меня. При этом они мало думали о нашем благополучии и еще меньше — о наших желаниях; принимались во внимание только удобство и экономические соображения старших.

Браки у индусов — вещь сложная. Очень часто затраты на брачные обряды разоряют родителей жениха и невесты. Они теряют состояние и уйму времени. Месяцы уходят на изготовление одежды и украшений, на добывание денег для обедов. Один старается перещеголять другого числом и разнообразием предлагаемых блюд. Женщины, обладающие красивым голосом и безголодые, поют, не давая покоя соседям, до хрипоты, иногда даже заблевают. Соседи относятся ко всему этому шуму и гаму, ко всей грязи, остающейся после пиршества, совершенно спокойно, потому что знают, что придет время и они будут вести себя подобным же образом.

Старшие считали, что лучше покончить со всем этим в один прием: меньше расходов и больше блеска. Можно было тратить деньги не стесняясь, так как расходы предстояло делать не три раза, а один. Отец и дядя были уже в преклонном возрасте, а мы были последними детьми, которых предстояло женить. Возможно, им захотелось хорошенько повеселиться напоследок. Из этих соображений и было решено устроить тройную свадьбу.

Как я уже сказал, приготовления к торжеству заняли несколько месяцев. Только по этим приготовлениям мы узнали о предстоявшем событии. Мне кажется, что для меня оно было связано только с ожиданием новой одежды, барабанного боя, брачной процессии, роскошных обедов и чужой девочки для игры. Плотские желания пришли потом. Я опускаю занавес и не буду описывать ощущение стыда, которое я испытал. Я расскажу только о некоторых подробностях, но это будет позднее. Они не имеют отношения к основной идее, ради которой я начал писать книгу.

Итак, я и мой брат были перевезены из Раджкота в Порбандар. Финальной драме предшествовали кое-какие любопытные детали (например, наши тела натирали имбирной мазью), но все эти подробности я опускаю.

Мой отец, хотя и занимал пост дивана, все же был слугой, и его зависимое положение еще усиливалось тем, что он пользо-

вался благосклонностью такор-сахиба. Тот до последнего момента не хотел отпускать его. А когда наконец согласился сделать это, то заказал для него особый экипаж, чтобы сократить путь на два дня. Но судьба решила иначе. Порбандар находится в ста двадцати милях пути от Раджкота, что составляет пять дней езды на лошадях. Отец проделал этот путь в три дня, но при смене третьих перекладных экипаж опрокинулся, и отец жестоко расшибся. Он приехал весь забинтованный. И наш и его интерес к предстоящему событию упал вследствие этого наполовину, но церемония все же должна была состояться. Разве можно было откладывать свадьбу? Однако детское восхищение свадебной церемонией заставило меня забыть горе, вызванное несчастным случаем, приключившимся с отцом.

Я был предан родителям, но не менее предан и велениям плоти. Лишь впоследствии я понял, что ради родителей следует жертвовать всем счастьем и всеми удовольствиями. И в наказание за мою жажду удовольствий произошел случай, который до сих пор терзает меня и о котором я расскажу позже.

Нишкулананд поет: «Отказ от предмета желаний без отказа от самих желаний бесплоден, чего бы он ни стоил». Когда я пою или слышу эту песню, я вспоминаю о печальном и неприятном событии и мне делается стыдно.

Отец мужественно превозмогал боль и принял самое деятельное участие в свадьбе. Даже сейчас я помню, где он сидел во время различных свадебных обрядов. Тогда я не предполагал, что со временем буду строго осуждать отца за то, что он женил меня ребенком. В тот день все выглядело правильным и приятным. Мне и самому очень хотелось, чтобы меня женили. А все, что делал отец, казалось безупречным. Я помню во всех подробностях события того дня: как мы сидели под свадебным балдахином, исполняли саптапади, как мы, молодые муж и жена, клали друг другу в рот сладкий кансар и как мы начали жить вместе. Та первая ночь! Двое невинных детей, волею случая брошенных в океан жизни. Жена брата старательно уведомила меня, как я должен вести себя в первую ночь. Кто наставлял мою жену, я не знаю. Я никогда не спрашивал ее об этом, да и теперь не намерен этого делать. Читатель может быть уверен, что мы так нервничали, что не могли взглянуть друг на друга. Мы, разумеется, были слишком робки. Как заговорить с ней, что сказать? Наставления не за-

ходили так далеко. Да наставления и не нужны в подобных случаях. Впечатления, которые человек вобрал в себя в предыдущей жизни, настолько сильны, что всякие поучения излишни. Мы постепенно стали привыкать друг к другу и свободно беседовать. Хотя мы были одного возраста, я поспешил присвоить себе авторитет мужа.

IV. В РОЛИ МУЖА

Во времена, когда был заключен мой брак, издавались небольшие брошюрки ценой в одну пайсу или паи (я забыл точную цифру). В них говорилось о супружеской любви, бережливости, детских браках и т. п. Я прочитывал их от корки до корки, но тут же забывал все, что мне не нравилось, и принимал к сведению то, что нравилось. Вменяемая этими брошюрками в обязанность мужу верность жене в течение всей жизни навсегда запечатлелась в моем сердце. К тому же я любил правду и потому не мог лгать жене. Да и почти невероятно было бы, чтобы в таком юном возрасте я мог изменять ей.

Но урок верности имел и свою неприятную сторону. «Если я должен быть верен жене, то и жена должна быть верна мне», — думал я. Эта мысль сделала меня ревнивым мужем. Ее обязанность легко превращалась в мое право требовать от нее абсолютной верности, что вынуждало меня постоянно следить за ней. У меня не было совершенно никаких оснований сомневаться в верности жены, но ревность слепа ко всем доводам. Я следил за каждым ее шагом, она не смела выйти из дома без моего разрешения. Это сеяло семена раздора между нами. Налагаемый мной запрет был фактически чем-то вроде тюремного заключения, а Кастурбай была не такой девочкой, чтобы легко подчиниться подобным требованиям. Она желала ходить куда хочет и когда хочет. Чем больше я ей запрещал, тем больше она себе позволяла, и тем больше я злился. Мы, женатые дети, сплошь и рядом отказывались разговаривать друг с другом. Думаю, что Кастурбай не обращала внимания на мои запреты без всякой задней мысли. Какие запреты могла нарушить простодушная девочка тем, что уходила в храм или к подругам? И если я имел право запрещать ей что-либо, то разве у нее не было такого же права? Сейчас мне все это

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ЖИЗНЬ	
<i>Перевод А. М. Вязьминой и Е. Г. Панфилова</i>	5
МОЯ ВЕРА	
<i>Перевод В. Н. Ахтырской</i>	453
КЛЮЧ К ЗДОРОВЬЮ	
<i>Перевод В. Н. Ахтырской</i>	595
Глоссарий	643